

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/86/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО “ТАГИРОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”
(Жалоба №20580/04)

*Текст постановления был отредактирован 6 апреля 2010 года
в соответствии с Правилом 81 Регламента Суда*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ

4 декабря 2008 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

5 июня 2009 года

В деле «**Тагирова и другие против России**»
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в
следующем в составе:

Кристос Розакис, *Президент*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Ханлар Хаджиев,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджи Малинверни, *судьи*,
и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,
Заседая 13 ноября 2008 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний
вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№.20580/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») семью российскими гражданами, названными ниже («заявители»), 7 мая 2004 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - "SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в

России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-жа В. Милинчук, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 1 сентября 2005 года Президент Первой секции принял решение в соответствии с Правилом 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

4. 23 мая 2007 года Суд принял решение уведомить Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

5. Правительство выступило против рассмотрения жалобы по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости. Заслушав возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители:

- 1) Зайнап Жажаевна Тагирова, род. 1950 г.р.,
- 2) Таус Даудович Тагиров, род. 1950 г.р.,
- 3) Муса Таусович Тагиров, род. 1982 г.р.,
- 4) Зарема Абдуллаевна Базаева¹, род. 1983 г.р.,
- 5) Мадина Таусовна Тагирова, род. 1983 г.р.,
- 6) Милана Таусовна Тагирова, род. 1981 г.р.,
- 7) Ратха Таусовна Тагирова, род. 1972 г.р.

Все они проживают в Урус-Мартане Чеченской Республики.

7. Первый и второй заявители – супруги. Они - родители третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого заявителей и Мовсара Таусовича Тагирова, 1978 года рождения. В настоящее время второй заявитель – старшина республиканского ОМОНа Чечни. Его сын, Мовсар Тагиров, был стажером республиканского ОМОНа и никогда не подозревался в участии в незаконных вооруженных формированиях.

А. Исчезновение Мовсара Тагирова

1. Позиция заявителей

8. В ночь с 6 на 7 февраля 2003 года Тагировы спали в своем доме на Советской, 86 в Урус-Мартане, Чеченской Республики.

9. Около 3 часов ночи 7 февраля 2003 года около 20 мужчин в камуфляжной форме ворвались во двор. Они выломали ворота, и девять или десять из них вошли в дом. Мужчины были в масках и вооружены «винторезами» с глушителями. Они не представились, но Заявители полагают, что это были представители силовых структур России.

¹ Изменено 6 апреля 2010 г.: изначально в тексте было «Тагирова».

10. Ворвавшись в дом, военные обнаружили в большой комнате табельный автомат Тагирова и рацию. Один из них разрядил автомат и вынул батарейку из рации.

11. Военнослужащий посмотрел удостоверение второго заявителя и спросил, есть ли в доме еще мужчины. Заявитель ответил, что в доме есть его сын, стажер ОМОНа.

12. Позже военнослужащие вывели Тагиновых во двор. Они не дали Мовсару Тагирову одеться, в результате он оказался на улице без куртки и ботинок. Военнослужащие приказали ему стоять лицом к стене, а кому-нибудь из семьи принести его документы. Четвертая заявительница вынесла его удостоверение стажера ОМОНа. Военнослужащие изучили документ, а потом вывели Мовсара Тагирова на улицу.

13. Тем временем трое военнослужащих завели остальных в дом и пригрозили открыть огонь, если те подумают бежать. Заявители повиновались. Войдя в дом, первая заявительница увидела в окно, как военнослужащие выводят Мовсара Тагирова на улицу.

14. Спустя пятнадцать минут те же самые трое военнослужащих вошли во двор и отключили рацию, находившуюся в машине второго заявителя. Затем они ушли.

15. Второй заявитель побежал к машине, включил рацию и передал в ОМОН сообщение о похищении сына, но не смог передать, куда именно его увезли.

16. Согласно письменным заявлениям соседей заявителей, в ночь с 6 на 7 февраля 2003 года представители силовых структур России входили и обыскивали дома на улице Советской в Урус-Мартане. Соседи отказались называть свои имена из соображений собственной безопасности.

17. 31 марта 2004 года Р. Т., соседка заявительницы по улице Советская, обратилась к юристам SRJI с заявлением. Она утверждала, что 7 февраля 2003 вооруженные мужчины в масках и камуфляжной форме ворвались в ее дом и обыскали его. Они также потребовали показать паспорт ее пятнадцатилетнего сына, тезки Мовсара Тагирова, проверили его и ушли. Позже Р. Т. допросила прокуратура.

18. 16 мая 2005 года первая заявительница обратилась в «Правовую инициативу» с дополнительным заявлением. Она сообщила, что ночью 7 февраля 2003 года военнослужащие прибыли в ее дом пешком, оставив машины УРАЛ и БТР на пресечении улиц Андреева и Советской примерно в ста метрах от ее дома. Военные повели ее сына к перекрестку, а затем увезли на машинах в восточном направлении по улице Андреева, где находилась военная база. Первая заявительница не видела машины лично и получила информацию о них от жителей улицы Андреева, которые пожелали не раскрывать своих данных, опасаясь за собственную безопасность.

2. Позиция Правительства

19. Около трех часов ночи 7 февраля 2003 года неизвестные люди с

автоматами и в камуфляжной форме вошли в дом 86 по улице Советская и похитили Мовсара Тагирова.

В. Розыски Мовсара Тагирова и расследование

1. Позиция заявителей.

20. С 7 февраля 2003 года заявители и лично, и письменно обращались в различные государственные инстанции, а именно в прокуратуру всех уровней, к военному командованию Урус-Мартановского района, ФСБ, в администрацию Урус-Мартана. Им помогали юристы SRJI.

21. 15 февраля 2003 года районная прокуратура Урус-Мартана возбудила уголовное дело по факту исчезновения Мовсара Тагирова в соответствии с п. 2 ст. 126 Уголовного кодекса РФ. В тот же день они уведомили об этом заявителей, но не указали номер уголовного дела.

22. 22 февраля 2003 года районная прокуратура признала первую заявительницу потерпевшей по уголовному делу № 34020 по факту похищения Мовсара Тагирова «неизвестными людьми в камуфляжной форме и масках».

23. 4 апреля 203 года первая заявительница обратилась в прокуратуру Урус-Мартановского района с просьбой предоставить информацию о движении по делу № 34020 и ходе предварительного следствия. 10 апреля 2003 года районная прокуратура направила ей ответ о том, что следствие по делу ведется, и позже она будет уведомлена о результатах расследования.

24. 11 апреля 2003 года первая заявительница обратилась к военному коменданту Урус-Мартана, в Чеченское отделение ФСБ, а также районную администрацию с просьбой оказать содействие в поисках пропавшего сына, описав при этом подробно обстоятельства его задержания. Она указала, что ее сын был задержан военнослужащими, прибывшими на сером автомобиле УАЗ.

25. 15 апреля 2003 года районная прокуратура приостановила предварительное следствие по уголовному делу №34020 в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а также возложила поиски похитителей Мовсара Тагирова на районный отдел внутренних дел. 16 апреля об этом уведомили первую заявительницу.

26. 22 апреля 2003 года Чеченское отделение ФСБ сообщило первой заявительнице, что никакие следственные действия и розыскные мероприятия ими не проводились. Кроме того, было высказано предположение, что Мовсар Тагиров был похищен членами незаконной вооруженной группировки переодетыми в военную форму.

27. 30 мая 2003 года прокуратура Южного Федерального округа сообщила первой заявительнице, что ее жалоба была перенаправлена в прокуратуру Чечни.

28. 5 и 18 июня 2003 года прокурор Чеченской Республики вернул жалобы первой заявительницы в районную прокуратуру.

29. 3 июля 2003 года военная комендатура Урус-Мартана сообщила, что по результатам проведенного расследования и проверки местонахождение Мовсара Тагирова и его похитителей не известно.

30. 16 июля 2003 года первая заявительница написала в военную прокуратуру Объединенной группы войск (ОГВ) с просьбой оказать содействие в поисках сына. Она указала, что ее сын был задержан военными, прибывшими на сером автомобиле УАЗ.

31. 22 июля 2003 года прокуратура Объединенной группы войск перенаправила письмо первой заявительницы в военную прокуратуру войсковой части № 20102 и дала распоряжение установить причастность представителей силовых структур России к задержанию Мовсара Тагирова.

32. 5 сентября 2003 года заявительница получила ответ о том, что в ходе проверки причастность представителей силовых структур РФ к похищению ее сына не установлена.

33. 25 октября 2003 года представители SRJI запросили в прокуратуре Урус-Мартана информацию о состоянии уголовного дела № 34020, а также попросили разрешить первой заявительнице ознакомиться с материалами дела. Они также требовали возобновить расследование в случае, если оно приостановлено. Ответа на заявление они не получили и повторили его 20 декабря 2003 года, а также направили копию запроса в прокуратуру Чеченской Республики..

34. 2 февраля 2004 года из прокуратуры Чеченской Республики было сообщено, что по делу об исчезновении Мовсара Тагирова ведется предварительное следствие и предпринимаются все меры по раскрытию преступления.

35. 20 сентября 2004 года представители SRJI направили в районную прокуратуру запрос о состоянии уголовного дела № 34020 и ходе следствия.

36. 27 октября 2004 года представители получили из прокуратуры Чеченской Республики ответ на свой запрос, что уголовное дело было возбуждено и что по всем интересующим вопросам по делу заявительница может обращаться в районную прокуратуру Урус-Мартана.

37. В своем дополнительном заявлении в SRJI от 16 мая 2005 года первая заявительница указала, что после задержания сына она обращалась к многочисленным “посредникам”, которые были так или иначе связаны с российской армией. Согласно показаниям одного из них по имени «Бейси» российский военнослужащий по имени «Петька» сообщил «Бейси», что сразу после задержания Мовсар Тагиров был доставлен в здание военной комендатуры Урус-Мартановского района, где он провел два-три дня. Затем его перевели во временный отдел внутренних дел, а позже в войсковую часть, где служил «Петька». «Петька» упомянул, что у задержанного был орлиный нос и ранено правое ухо, что совпадало с описанием Мовсара Тагирова. Проведя неделю в войсковой части, Мовсар Тагиров был перевезен в Ханкалу военным по имени «Алферов». Данная

информация следствию не предоставлялась.

38. 18 марта 2005 года юристы SRJI потребовали от прокуратуры Урус-Мартана ответить на их письмо от 20 сентября 2004 г.

39. 4 и 7 октября 2005 года юристы SRJI направили в прокуратуру запрос об информации по уголовному делу № 34020, однако ответа не получили.

40. 20 октября 2005 года прокуратура Чеченской Республики сообщила юристам SRJI о том, что обо всех изменениях по делу сообщается первой заявительнице. Однако заявительница данной информации не получала.

41. 13 декабря 2007 года первая заявительница направила в Ачхой-Мартановский межрайонный следственный отдел при прокуратуре РФ по ЧР ходатайство с просьбой обеспечить ей доступ к материалам, имеющимся в деле, а также сделать копии.

2. Позиция Правительства

42. 15 февраля 2003 года прокуратура Урус-Мартановского района Чеченской Республики возбудила по факту похищения Мовсара Тагирова уголовное дело № 34020 по признакам преступления, предусмотренным пунктом «а» части 2 статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека).

43. 22 февраля 2003 года первая заявительница была признана потерпевшей по данному делу и допрошена. В ходе допроса она показала, что 7 февраля 2003 года к ней в дом проникли неизвестные вооруженные лица в масках и камуфляжной форме, которые разрядили табельный автомат ее мужа и похитили ее сына, Мовсара Тагирова. Она не знает, кто похитил сына и куда его отвезли. Звуков отъезжающего транспорта она не слышала. Другие родственники, допрошенные в ходе расследования по делу, дали аналогичные показания.

44. Из ответов правоохранительных органов Чеченской Республики и Северокавказского региона России, полученных в соответствии с запросом прокуратуры Урус-Мартановского района, следует, что Мовсар Тагиров не задерживался, к уголовной ответственности не привлекался, сведения о его возможном участии в незаконных вооруженных формированиях отсутствуют. Мовсар Тагиров не обращался за медицинской помощью в медицинские учреждения Чеченской Республики, а также не содержался в следственных изоляторах Северокавказского региона. Проверка совпадений по приметам с неопознанными трупами результатов не дала. Проведенными оперативно-розыскными мероприятиями установить местонахождения Мовсара Тагирова не представилось возможным.

45. Предварительное следствие по делу неоднократно приостанавливалось в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Решения о приостановлении следствия отменялись вышестоящими прокурорами, и следствие возобновлялось с целью проверки информации, поступающей из

органов, ведущих оперативно-розыскную деятельность.

46. Следствию не удалось установить местонахождения Мовсара Тагирова, а также причастность представителей федеральных силовых структур к совершению преступления не подтвердилась. Расследование не прекращено и передано на рассмотрение в Ачхой-Мартановский межрайонный следственный отдел при прокуратуре РФ по ЧР.

47. Несмотря на конкретные запросы Суда, Правительство отказалось предоставить копии материалов уголовного дела № 34020. Ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что следствие по делу продолжается и что раскрытие материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат сведения военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовного процесса..

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

48. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, № 40464/02, § 67-69, от 10 мая 2007 года.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ

49. Правительство утверждало, что жалоба была подана не в интересах восстановления нарушенных прав заявителей. Истинным предметом и намерением жалобы были достижение цели политического характера, так как заявители представили Российскую Федерацию как государство, политика которого нарушает права человека в Чеченской Республике. Правительство считало, что право на подачу индивидуальной жалобы нарушено заявителями и требовало признать жалобу неприемлемой в соответствии со Статьей 35 § 3 Конвенции.

50. Суд полагает, что обращения, представленные заявителями к рассмотрению, касались непосредственно самих жалоб. В документах дела нет ничего, что свидетельствовало бы о нарушении права на подачу индивидуальной жалобы. Соответственно, это возражение Правительства должно быть отклонено.

II. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДСУДНОСТИ ЖАЛОБЫ (LOCUS STANDI)

51. Правительство предположило, что заявители не были знакомы с

содержанием жалобы, которая была подписана не самими заявителями, а только их представителями и двумя другими сотрудниками организации SRJI. Правительство посчитало, что данное дело не является подсудным (*locus standi*).

52. Суд отмечает, что заявители дали SRJI доверенности, чтобы предоставлять их интересы в ходе судебного разбирательства в Страсбурге, в частности, подписывать формуляры жалобы и другие материалы, подаваемые в секретариат Суда от их имени. Поэтому Суд не видит причин предполагать, что заявители подписали доверенности против себя самих. Следовательно, это возражение Правительства должно быть отклонено.

III. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

53. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Мовсара Тагирова еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли предъявить жалобы в суд или в вышестоящую прокуратуру на действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Они также могли предъявить гражданский иск в суд и требовать возмещения ущерба, но они не сделали этого.

54. Заявители оспорили это возражение и утверждали, что уголовное расследование оказалось неэффективным. Они также заявили, что средства правовой защиты. Предложенные Правительством средства оказались неэффективными, учитывая ситуацию в Чеченской Республике.

B. Оценка Суда

55. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии со Статьей 35 § 1 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во внутригосударственной правовой системе, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии представить в Суд, были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными

требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом, а также, чтобы были использованы любые процессуальные средства, могущие предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 6 сентября 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, p. 1210, §§ 65-67; и *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, no. 41964/98, § 64, 27 июня 2006).

56. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, цит. выше, § 68 *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

57. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно – гражданское или уголовное судопроизводство.

58. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г.). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск.

59. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после исчезновения Мовсара Тагирова и что следствие по делу продолжается с 15 февраля 2003 года. Мнения заявителей и Правительства в отношении эффективности следствия расходятся.

60. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом

жалоб заявителей, и поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением дела по существу.

IV. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

61. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений лица, задержавшие Мовсара Тагирова, были представителями государства. В доказательство своей позиции они ссылаются на следующие факты. Все дороги в Урус-Мартане кроме одной были перекрыты военными постами. Жители Урус-Мартана видели военные машины у дома заявителей в ночь на 7 февраля 2003 года. Первая заявительница никогда не рассказывала следствию об автомобилях УРАЛ и БТР, но она уверена, что именно такие машины использовались при похищении ее сына. Преступники были вооружены винторезами, подобными тем, какие используют российские военнослужащие. Во время совершения преступления в Урус-Мартане был объявлен комендантский час. Г-жа Р. Т. также подтвердила, что преступники проверяли документы ее сына, тезки Мовсара Тагирова.

62. Правительство утверждало, что Мовсара Тагирова похитили неизвестные вооруженные люди. Правительство указало, что следствием указанный инцидент был изучен, данных о том, что похитители были представителями государства, не нашли подтверждения и таким образом нет оснований считать Государство ответственным за предполагаемое нарушение прав заявителей. Оно также утверждало, что нет доказательств, позволяющих говорить о смерти родственника заявителей.

63. Правительство утверждало, что у властей не было причин задерживать Мовсара Тагирова, стажера республиканского ОМОНа и что это с большей вероятностью сделали представители незаконной вооруженной группировки, желающие отомстить будущему военнослужащему федеральных сил. Группы белорусских, украинских и русских наемных солдат совершали преступления на территории Чеченской Республики; таким образом, тот факт, что преступники имели славянскую внешность и говорили по-русски, не доказывает, что это были российские военнослужащие. Правительство также указывает на то, что в 1990-е годы с военных складов было похищено много оружия, а маску и камуфлированную форму может приобрести любой человек. Если бы преступники являлись представителями федеральных сил, они располагали бы точной информацией о родственнике заявителей и не перепутали бы его с пятнадцатилетним сыном г-жи Р. Т.

64. Далее Правительство сообщило, что во время внутригосударственного расследования заявители не упоминали о машинах БТР и УАЗ и что так называемые «свидетели» отказались

давать показания следователям по делу. Доказательств того, что вооруженные люди посетили еще несколько домов в ночь на 7 февраля 2003 года, представлено не было. Нет также информации о том, что второй заявитель сообщил по рации о похищении сына. Правительство сомневается в достоверности заявлений «Бейси», на которые первая заявительница. Кроме того, заявители никогда не упоминали людей с именами «Бейси» и «Петька» в разговорах с представителями власти.

65. Итак, Правительство настаивало на том, что причастность представителей федеральных сил к похищению Мовсара Тагирова вне разумного сомнения не доказана.

В. Оценка Судом фактов

66. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство-ответчик имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см. *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

67. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. «*Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII (извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Taniş and Others*, цит. выше, §160).

68. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя, таким образом, только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, от 4 апреля 2000 года). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, *Ribitsch v. Austria*, 4 декабря 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar*, цит. выше, § 283), даже если уже были осуществлены определённые

внутригосударственные меры и следственные действия.

69. Суд повторяет, что им было указано на трудности заявителей представить необходимые доказательства в подтверждение своих заявлений по делам, где соответствующие документы находятся в ведении Правительства Государства-ответчика, и оно отказывается предоставить их. Когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ECHR 2005 II).

70. Суд отмечает, что, несмотря на его запрос копии материалов уголовного дела о похищении Мовсара Тагирова, Правительство не представило вообще никаких документов по делу и сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-... (выдержки)).

71. Судом уже была признана ответственность российских властей за внесудебные казни и исчезновения мирных граждан в Чеченской Республике по ряду дел, даже в отсутствие заключительных выводов внутренних инстанций (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит.выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-... (выдержки); *Estamirov and Others*, цит.выше; и *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007). Он делал это преимущественно на основе свидетельских показаний и других документов, подтверждающих присутствие военных или сотрудников служб безопасности на соответствующей территории в соответствующее время. Он основывался на указаниях на военные транспортные средства и оборудование, на показания свидетелей, на другую информацию об осуществлении операций по поддержанию безопасности, а также на бесспорный эффективный контроль соответствующих территорий российскими военными, подтверждаемый, например, существованием блокпостов на дорогах, использованных лицами, совершившими преступления, и их способностью беспрепятственно передвигаться во время комендантского часа. По этому основанию он устанавливал, что соответствующие территории находились «под исключительным контролем властей государства» в связи с военными операциями и операциями по поддержанию безопасности, проводимыми там, и присутствием военнослужащих (см, с учетом контекста, *Akkum*

v. Turkey, цит. выше, § 211, и *Zubayrayev v. Russia*, № 67797/01, § 82, 10 января 2008).

72. Тем не менее, по настоящему делу у Суда мало доказательств, чтобы сделать такой вывод. Например, первая заявительница ссылаясь на свой разговор с человеком по имени «Бейси», но не представила Суду ни его личные данные, ни подписанного им заявления. Все кроме одного свидетельства очевидцев анонимные. Суд полагает, что подобные заявления нельзя принять в качестве допустимых доказательств.

73. Более того, тот факт, что преступники были вооружены винторезами, еще не говорит о том, что это были представители федеральных сил. Заявители никогда не говорили о том, что камуфлированная форма, которая была на преступниках, имела какие-либо знаки отличия, сходные со знаками на форме представителей власти. Имеются все основания полагать, что винторезы и камуфлированную форму без знаков отличия может приобрести любой человек, не имеющий отношения к военной службе, различными незаконными способами.

74. Имеющаяся в распоряжении Суда информация не позволяет сделать вывод о том, что вооруженные люди подъезжали к дому заявителей на военной технике. Сами заявители и Г-жа Р. Т не заявляли ни во время внутригосударственного расследования, ни перед Судом о том, что, они лично видели военную технику вблизи места происшествия. Установив, что преступники не использовали технику, а прибыли пешком, Суд полагает, что им было легче пройти в город незамеченными военнослужащими на пропускных пунктах, чем, например, группе вооруженных людей в БТР. Кроме того, заявители сами указали, что на одной дороге в Урус-Мартан не было блокпоста федеральных сил, что облегчило проникновение в город.

75. Также заслуживает внимания тот факт, что заявители не рассказали о машинах УРАЛ и БТР представителям властей во время следствия. Они также не упомянули во время допросов о своей встрече с «Бейси». Суд не склонен полагать, что следователи должны были задавать наводящие вопросы заявителям, для того чтобы установить, использовались ли преступниками машины БТР или другие, полагая, что они обязаны предоставить следствию любую известную им информацию по своей инициативе.

76. Таким образом, по настоящему делу у Суда имеется недостаточно доказательств, чтобы установить, что Мовсар Тагиров был похищен сотрудниками государства или в ходе проведения спецоперации.

77. В то же время Суд принимает во внимание доводы Правительства о том, что Мовсар Тагиров, как будущий офицер, мог быть похищен незаконной вооруженной группировкой, сражающейся против федеральных сил в Чеченской Республике. При таких обстоятельствах Суд не может возложить ответственность за незаконные действия по настоящему делу на Государство-ответчика

без дополнительных доказательств.

78. Резюмируя сказанное, не было установлено на требуемом стандарте «вне разумного сомнения», что силы безопасности виновны в исчезновении Мовсара Тагирова, и Суд не считает, что бремя доказывания должно быть полностью переложено на Правительство.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

79. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военными и что государственные органы не провели эффективное расследование данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

A. Доводы сторон

80. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что Мовсар Тагиров был мертв или, что к похищению и предположительному убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство утверждало, что расследование похищения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, поскольку принимались все предусмотренные российским законодательством меры к установлению лиц, совершивших это преступление.

81. Заявители настаивали, что Мовсар Тагиров был задержан представителями федеральных сил и должен считаться умершим по причине отсутствия достоверных сведений о нем в течение более чем пяти лет. Заявители также утверждали, что расследование не соответствовало требованиям эффективности и адекватности, установленным прецедентной практикой Суда по Статье 2. Заявители призвали Суд сделать соответствующие выводы из необоснованного отказа Правительства предоставить заявителям или Суду материалы

уголовного дела.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

82. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 60 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Мовсара Тагирова

83. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147 и *Avşar*, цит. выше § 391).

84. Как отмечено выше, национальное расследование не дало никаких значимых результатов в отношении установления лиц, причастных к похищению Мовсара Тагирова. Заявители не представили убедительных доказательств в подтверждение их версии о том, что представители государства совершили это преступление. Суд уже установил выше, что в отсутствие соответствующей информации он не может сделать вывод о том, что силы безопасности были причастны к исчезновению родственника заявителей (см. пункт 78 выше). Невозможно также установить «вне разумного сомнения», что Мовсар Тагиров был лишен жизни представителями государства.

85. При таких обстоятельствах Суд не может установить ответственность государства, и таким образом, материальная часть статьи 2 Конвенции не нарушена.

**(b) Предполагаемая неадекватность расследования
похищения**

86. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно Статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *с учетом контекста, McCann and Others*, цит. выше, п. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998, *Reports* 1998-I). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, от 4 мая 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom (решение)*, № 56413/00, от 8 января 2002).

87. Суд отмечает, что не было доказано, что Мовсар Тагиров был убит. Тем не менее, он напоминает, что вышеуказанное обязательство относится также к делам, где человек исчез при обстоятельствах, которые могут быть расценены как угрожающие жизни (см. *Toğsı*, цит. выше, § 112). Заявители сообщили властям, что Мовсар Тагиров исчез при невыясненных обстоятельствах. Учитывая большое количество докладов о насильственных исчезновениях людей в Чеченской Республике и затянувшееся противостояние между незаконными бандформированиями и федеральными силами в регионе, начиная в 2000-х годов, Суд считает, что исчезновение Мовсара Тагирова должно было быть рассмотрено как угрожающее жизни. Более того, отсутствие новостей от исчезнувшего лица в течение длительного периода позволяет, с большой долей вероятности, признать, что он или она мертвы. Следовательно, после определенного отрезка времени, в течение которого не было никакой информации о судьбе Мовсара Тагирова, возникает предположение, что он мог быть лишен жизни, находясь в руках похитителей. Таким образом, Суд заключает, что государственные власти были обязаны провести расследование данного преступления.

88. В настоящем деле проводилось расследование по факту исчезновения Мовсара Тагирова. Суд должен оценить,

соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

89. Суд сразу же отмечает, что Правительство не предоставило Суду все материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

90. Суд отмечает, что после совершения преступления заявители незамедлительно поставили власти в известность. Расследование по уголовному делу № 34020 начато 15 февраля 2003 года, то есть спустя восемь дней после задержания Мовсара Тагирова. Данная задержка сама по себе не могла не повлиять на эффективность расследования такого преступления, как похищение человека при угрожающих жизни обстоятельствах, где критически важные действия должны быть предприняты в первые дни после случившегося.

91. Суд сразу же отмечает, что не способен реконструировать ход расследования, так как Правительство не предоставило Суду не только материалы дела, но и подробный перечень важнейших событий. Однако Суд ссылается на заявление Правительства о том, что следствие по уголовному делу № 34020 неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, а решения о приостановлении следствия отменялись вышестоящими прокурорами. В таких обстоятельствах и учитывая отказ Правительства представить информацию о расследовании, Суд заключает, что ряд важных следственных мероприятий был проведен с задержкой или не был проведен совсем.

92. Суд также отмечает, что хотя первую заявительницу признали потерпевшей по уголовному делу № 34020, городская прокуратура проинформировала ее об этом 15 февраля и 15 апреля 2003 года, в то время как, согласно замечаниями Правительства, следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. В таких обстоятельствах Суд считает, что следователи ясно и очевидно отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием или гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу (см. *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

93. В заключении Суд полагает, что расследование по уголовному делу № 34020 неоднократно приостанавливалось и возобновлялось. В таких обстоятельствах, можно с уверенностью предположить, что существовал длительный период бездействия со стороны городской прокуратуры, когда никакие мероприятия по делу не проводились.

94. И, наконец, Суд рассмотрит возражение Правительства, которое было объединено с рассмотрением дела по существу (см. пункт 60 выше). Поскольку это касается вопроса о том, что внутреннее расследование еще продолжается, Суд отмечает, что власти не предприняли необходимые и своевременные меры и тем самым подорвали эффективность расследования уже на ранних стадиях.

Более того, несмотря на то, что Правительство утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных органами предварительного следствия, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перевод судом. Тем не менее, учитывая неэффективность расследования, которая уже была отмечена выше, вызывает сомнение, что указанное средство защиты могло бы привести к какому-либо успеху. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

95. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование исчезновения Мовсара Тагирова при угрожающих жизни обстоятельствах в нарушение процессуальной части Статьи 2.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

96. Заявители жаловались, ссылаясь на Статью 3 Конвенции, что в результате исчезновения члена их семьи и отказа властей провести добросовестное расследование этого события, они испытали душевные страдания в нарушение Статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Доводы сторон

97. Правительство не согласилось с этими заявлениями, поскольку, по его утверждениям, следствием не было установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

98. Заявители поддержали свои жалобы в замечаниях.

B. Оценка Суда

99. Ссылаясь на соответствующую практику Суда, он отмечает, что в ситуации, когда человек был похищен сотрудниками государства и в последствие «исчез», он или его родственники могут быть признаны жертвами обращения, нарушающего Статью 3 Конвенции в отношении из душевных страданий, вызванных «исчезновением» члена их семьи и позицией властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения (see, среди прочего, *Kurt v. Turkey*, 25 May 1998, §§ 130-34, *Reports* 1998-III, и *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, §§ 96-98, ECHR

2000-VI)..

100. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками Мовсара Тагирова. Следовательно, не вызывает сомнения, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный стресс в результате исчезновения их сына, мужа и брата.

101. Суд отмечает, что он уже признавал нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении родственников исчезнувшего лица в делах, касающихся феномена «исчезновений» в Чеченской Республике (см., например, *Luluyev and Others*, цит. выше, §§ 117-18; *Khamila Isayeva v. Russia*, no. 6846/02, § 143-45, от 15 ноября 2007; и *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, §§ 107-10, от 15 ноября 2007). Суд обращает внимание, однако, что это относилось к делам, по которым Государство было признано ответственным за исчезновение родственников заявителей. В данном деле, напротив, не было установлено «вне разумного сомнения», что российские власти причастны к исчезновению Мовсара Тагирова (см. пункт 78 выше). В таких обстоятельствах Суд утверждает, что данное дело отличается от упомянутых выше, и поэтому заключает, что Государство не может быть признано ответственным за душевные страдания заявителей, вызванные преступлением как таковым.

102. Суд не убежден, что поведение следственных органов, - хотя и пренебрежительное в ходе производства, т.е. нарушающее процедурный аспект Статьи 2, - может рассматриваться как причина душевных страданий заявителей, превышающий минимальный уровень жестокости, который необходим в порядке рассмотрения обращения, подпадающего под нарушение Статьи 3 Конвенции (см. среди прочего, *Cruz Varas and Others v. Sweden*, 20 марта 1991, § 83, Series A no. 201).

103. Из этого Суд делает вывод, что эта часть жалобы, очевидно, плохо аргументирована и должна быть отклонена в связи со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

104. Заявители также утверждали, что Мовсар Тагиров был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит::

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; ...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

105. По мнению Правительства, у следствия нет данных, которые подтверждали бы, что Мовсар Тагиров был лишен свободы представителями государства в нарушение гарантий статьи 5 Конвенции.

106. Заявители настаивали на своих жалобах.

В. Оценка Суда

107. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

108. Тем не менее, Суд не считает установленным «вне разумных сомнений», что Мовсар Тагиров был задержан российскими военнослужащими (см. пункт 78 выше). Нет никаких оснований считать, что пропавший без вести человек находился в неустановленном центре содержания под контролем представителей государства.

109. Суд, таким образом, делает вывод, что эта часть жалобы должна быть отклонена, так как несовместима с требованием *ratione personae* и должна быть признана неприемлемой в связи со Статьей Article 35 §§ 3 and 4 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

110. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений своих прав по Статье 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном

органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

111. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность жаловаться на действия или бездействия следственных органов в суд, но они не сделали этого. В целом Правительство утверждало, что нарушения Статьи 13 не было.

112. Заявители настаивали на своих жалобах.

В. Оценка Суда

113. Суд отмечает, что касается жалоб, сделанных заявителями по этой Статье, они уже были рассмотрены в контексте Статьи 2 Конвенции. Принимая во внимание признанное нарушение Статьи 2 в процедурной части (см. пункт 95 выше), Суд заключает, что когда жалоба по Статье 13 в связи со Статьей 2 признана приемлемой, нет необходимости отдельного рассмотрения этой жалобы по существу (*see, с учетом контекста, Makaratzis v. Greece* [GC], no. 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI, а также *Anik and Others v. Turkey*, no. 63758/00, § 86, 5 июня 2007).

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

114. Заявители в своей первоначальной жалобе утверждали, что подверглись дискриминации в связи с их этническим происхождением в нарушение Статьи 14 Конвенции, которая гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

115. В своих замечаниях по поводу приемлемости и существа жалобы от 20 декабря 2007 года заявители указали, что не намерены добиваться рассмотрения Судом своих жалоб на нарушение Статьи 14 Конвенции.

116. Суд, принимая во внимание Статью 37 Конвенции, делает вывод о том, что заявители более не намерены добиваться рассмотрения этой части своей жалобы, в значении Статьи 37 § 1 (а). Суд также не видит причин общего характера, относящихся к соблюдению установленных Конвенцией прав человека, которые требовали бы продолжить рассмотрение настоящей жалобы согласно

Статье 37 § 1 Конвенции *in fine* (см. *Stamatios Karagiannis v. Greece*, no. 27806/02, § 28, 10 февраля 2005 г.).

117. Из этого следует, что данную часть жалобы необходимо исключить в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции.

Х. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

118. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение материального ущерба

119. Четвертая заявительница потребовала возмещения ущерба за потерю заработков мужа. Она утверждала, что Мовсар Тагиров почти завершил свою стажировку в отряде особого назначения и мог рассчитывать на получение ежемесячного жалования. Четвертая заявительница запросила компенсацию в размере 2 миллиона 478 тысячи 100 рублей 11 копеек (приблизительно 70,000 евро).

120. Правительство заявило, что эти требования необоснованны.

121. Суд повторяет, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Учитывая сделанные выше выводы, что не было нарушения Статьи 2 в материальности части, Суд считает, что нет четкой причинной связи между заявленным нарушением права на жизнь Мовсара Тагирова и потерей четвертой заявительницей финансовой поддержки, которую он мог бы ей обеспечить. Таким образом, Суд отклоняет требования заявителей в этой части компенсации.

В. Возмещение морального ущерба

122. Первый, второй и четвертый заявители потребовали компенсацию в 40,000 евро каждому, тогда как третий, пятый, шестой и седьмой заявители в 5,000 евро каждому в качестве компенсации морального ущерба за душевные страдания, вызванные потерей члена их семьи и равнодушия властей в связи с этим.

123. Правительство посчитало требования заявителей завышенными.

124. Суд отмечает, что им было установлено нарушение Статьи 2 в её процедурном аспекте. В этой связи заявителям должны были быть причинены страдания, которые не могут быть компенсированы лишь установлением нарушения. Учитывая это, Суд присуждает первому и

второму заявителям 3,000 евро совместно, четвертой заявительнице 3,000 евро и третьему, пятому, шестому и седьмому заявителям 850 евро каждому плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

С. Издержки и расходы

125. Заявителей в Суде представляла организация SRJI. Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI. Они также запросили возмещение оплаты за переводы и международной почты, подтвержденные соответствующими счетами, а также требования возмещения административных расходов, которые не были подтверждены никакими документами. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила, таким образом, 6,717.77 евро.

126. Правительство оспорило разумность и оправданность запрашиваемых сумм. Оно также утверждало, что требования заявителей о выплатах были подписаны шестью юристами, трое из которых не упоминаются в доверенностях, поданных заявителями. Правительство также выразило сомнение в том, что необходимо было посылать корреспонденцию курьерской службой.

127. Суд отмечает, что заявители подали доверенности, подписанные на имя организации SRJI и ее четырех юристов. Требования заявителей о справедливом возмещении были подписаны шестью лицами. Имена трех из них указаны в доверенностях, в то время как другие три юриста сотрудничают с SRJI. В таких обстоятельствах Суд не видит причин сомневаться в том, что шесть юристов, упомянутых в требованиях заявителей о справедливом возмещении, принимали участие в подготовке замечаний от имени заявителей. Более того, нет причин заключать, что заявители не имели права направлять свою корреспонденцию в Суд посредством курьерской службы.

128. Суду предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями и являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

129. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

130. Помимо этого Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные представителями, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной подготовительной работы. В то же время Суд указывает на то, что поскольку в данном случае применялась Статья 29

§ 3, представители заявителей подавали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела в виде одного пакета документов. Суд отмечает, что в деле фигурировало очень мало подтверждающих документов в связи с отказом Правительства предоставить материалы уголовного дела. Поэтому Суд сомневается в том, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

131. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает представителям заявителей 4 500 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы. Они подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

132. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Принимает решение* исключить жалобу из списка своих дел в соответствии со Статьей 37 § 1 (а) Конвенции в части, касающейся жалоб заявителей на нарушение Статьи 14 Конвенции;
2. *Постановляет* отклонить возражение Правительства относительно злоупотреблением права на подачу индивидуальной жалобы;
3. *Постановляет* отклонить возражение Правительства относительно *locus standi*;
4. *Постановляет* объединить возражение Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;
5. *Объявляет* жалобы на нарушение Статьи 2 и Статьи 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
6. *Постановляет*, что не было нарушения статьи 2 Конвенции в ее материальной части в отношении Мовсара Тагирова;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Мовсара Тагирова;
8. *Постановляет*, не рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2;
9. *Постановляет*:
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

(i) по 3 000 евро (три тысячи евро) в порядке возмещения морального вреда первому и второму заявителям совместно, 3000 евро (три тысячи евро) четвертой заявительнице и по 850 евро (восемьсот пятьдесят евро) третьему, пятому, шестому и седьмому заявителям каждому в российских рублях по курсу на дату выплаты плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы;

(ii) 3 650 евро (три тысячи шестьсот пятьдесят евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

10. *Постановляет* отклонить остальную жалобу в части справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 4 декабря 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен

(Секретарь)

Кристос Розакис

(Председатель)